

УДК 343.1
ББК 67.411

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: «ТИХАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» СМЕНИЛАСЬ РЕАКЦИЕЙ

Дикарев Илья Степанович

Кандидат юридических наук, доцент,
директор института права
Волгоградского государственного университета
dikarew@mail.ru, law@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. На основе анализа положений Постановления Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П автор приходит к выводу, что их реализация в уголовном процессе приведет к системному кризису и возможному разрушению состязательной конструкции судопроизводства.

Ключевые слова: состязательность сторон, возвращение уголовного дела прокурору, дополнительное расследование, отказ прокурора от обвинения, запрет поворота к худшему, свобода обжалования.

В свое время расширение сферы действия принципа состязательности сторон, укрепление его позиций в уголовном судопроизводстве, происходившее вследствие влияния правовых позиций Конституционного Суда РФ на правоприменительную практику и уголовно-процессуальное законодательство, дало основание В.М. Божьеву назвать происходящее «тихой революцией» [1]. Действительно, преобразования, которым подвергся в то время оставшийся практически неизменным с советских времен уголовный процесс, в силу их либерального, прогрессивного характера иначе как революционными назвать было сложно.

Сегодня есть все основания говорить о кардинальном изменении вектора развития уголовного процесса. На смену революционным преобразованиям пришло реакционное движение в направлении, резко противоположном взятому ранее либеральному курсу. Консервативные настроения в позициях отдельных представителей науки уголовного процесса проявлялись давно, теперь же такие настроения все чаще демонстрирует и Конституционный Суд РФ.

Одним из проявлений подобных настроений стало Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 года № 16-П [5], в котором положительно разрешен вопрос о праве суда возвращать уголовное дело прокурору в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

В том, что данное решение является проявлением консерватизма, нет никаких сомнений, ведь по сути Конституционный Суд РФ дал новую жизнь весьма символичному для советского уголовного процесса полномочию суда направлять уголовное дело для дополнительного расследования при наличии оснований «для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным,

либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении» (п. 3 ст. 232 УПК РСФСР).

Надо сказать, что в советский период наличие у суда данного полномочия органично вписывалось в задачи уголовного судопроизводства и вполне соответствовало роли суда, являвшегося частью правоохранительной системы. Напомним, что ст. 2 УПК РСФСР объявляла задачами советского уголовного судопроизводства «быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступлений был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

В современном уголовно-процессуальном праве назначение уголовного судопроизводства сформулировано иначе, в связи с чем для обоснования необходимости наделения суда рассматриваемым полномочием пришлось использовать иную аргументацию. Конституционный Суд РФ исходил из того, что связанность суда пределами судебного разбирательства, устанавливаемыми предъявленным лицу органами уголовного преследования обвинением, нарушает принцип независимости судей, ведь суд, будучи ограниченным этими пределами, не может за них выйти и применить норму уголовного закона, предусматривающую ответственность за более тяжкое преступление.

Как отмечается в Постановлении от 2 июля 2013 года № 16-П, «ограничение права суда на выбор нормы уголовного закона, подлежащей применению, или на возвращение уголовного дела прокурору... ставит решение суда в зависимость от решения, обоснованность которого и составляет предмет судебной проверки и которое принимается органами уголовного преследования, в том числе входящими в систему исполнительной власти, т. е. является неправомерным вмешательством в осуществление судебной власти...».

Таким образом, классическая формула состязательного процесса *judex ne eat ultra petita partium* (лат. «суд не должен выходить за пределы требований сторон»), по

сути, была объявлена несовместимой с принципом независимости судей и подчинения их только закону.

Надо сказать, что ссылка на нарушение независимости судей является традиционным аргументом еще в одной дискуссии, уже много лет не утихающей в теории уголовного процесса, – относительно последствий отказа прокурора от обвинения. Многие авторы неоднократно отмечали, что связанность суда позицией прокурора, отказывающегося от обвинения или изменяющего его, умаляет достоинство суда, посягает на его независимость и т. д. Так, В.В. Кальницкий охарактеризовал ч. 7 ст. 246 УПК РФ «как умаляющую судебную власть, прерывающую правосудие и в конечном итоге не обеспечивающую процессуальную независимость суда» [3, с. 397–398]. О том, что прекращая уголовное дело или уголовное преследование при отказе гособвинителя от обвинения, суд тем самым «не решает дело, а выполняет волю одного из участников стороны обвинения», писала также Т.В. Тетерина [8, с. 38].

Действительно, отказ прокурора от обвинения, обязательный для суда в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом, также может стать непреодолимым препятствием для правильной квалификации судом преступления, совершенного подсудимым. В такой ситуации также можно говорить о том, что суд лишается «возможности самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, по своему внутреннему убеждению оценить обстоятельства конкретного дела», то есть имеет место та же самая ситуация, от которой Конституционный Суд РФ стремился оградить суды, вынося Постановление от 2 июля 2013 года № 16-П. Однако, проверяя в свое время конституционность ч. 4 ст. 248 УПК РСФСР, в силу которой отказ прокурора от обвинения не освобождал суд от обязанности продолжать разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого, Конституционный Суд РФ почему-то не вспомнил о «самостоятельности суда как носителя публичной по своей природе судебной власти, осуществляемой самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или другой стороны» и констатировал *обязатель-*

ность для суда отказа прокурора от обвинения. В Постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П [4] сказано, что если прокурор и потерпевший отказались от поддержания обвинения в суде (полностью или частично), то это должно приводить к постановлению в отношении обвиняемого оправдательного приговора (прекращению уголовного дела) или обвинительного приговора, констатирующего виновность обвиняемого в менее тяжком преступном деянии.

Нетрудно заметить, что такой подход к решению проблемы является диаметрально противоположным тому, что был продемонстрирован Конституционным Судом РФ спустя более чем десятилетие в Постановлении от 2 июля 2013 года № 16-П.

Что же изменилось за истекший период?

Примечательно, что изменение позиции Конституционного Суда РФ совпало по времени с инициативами руководства Следственного Комитета РФ, направленными на возложение ответственности за установление объективной истины в процессе доказывания на суд. В подготовленном Следственным Комитетом РФ проекте изменений в УПК РФ [7] предлагается дополнить закон следующей нормой: «Суд не связан мнением сторон. При наличии сомнений в истинности мнения сторон суд принимает все необходимые меры к установлению действительных фактических обстоятельств уголовного дела в целях обеспечения отправления справедливого правосудия».

Как отмечается в пояснительной записке к законопроекту [6], реализованная в действующем законе модель состязательности не способствует установлению истины, поскольку в ней суду отводится роль пассивного наблюдателя за процессуальным противоборством сторон, который не должен проявлять какую-либо активность в собирании доказательств. Для изменения такого положения в законопроекте предлагается не только расширить пределы судебного разбирательства за счет возложения на суд обязанности по ходатайству сторон или по собственной инициативе восполнять неполноту доказательств в той мере, в какой это возможно в ходе судебного разбирательства, но и ввести в закон такое основание для возвращения уголовного дела про-

курору, как «необходимость предъявления обвиняемому нового обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении или обвинительном акте».

Данный законопроект еще не принят, но отдельные его положения уже реализованы благодаря Конституционному Суду РФ, который своим Постановлением от 2 июля 2013 года № 16-П фактически вводит новое основание возвращения уголовного дела прокурору, во многом совпадающее с тем, которое было предложено Следственным Комитетом РФ.

Принимая данное решение, Конституционный Суд РФ приложил значительные усилия для аргументации своих выводов, стремился согласовать их с ранее сформулированными правовыми позициями. Однако вопросы о том, совместимы ли появившиеся у суда полномочия с состязательной конструкцией современного российского уголовного процесса и не приведет ли их реализация к возникновению проблем, носящих системный характер, с повестки дня не сняты.

Как уже было сказано, предоставление суду полномочия возвращать уголовное дело прокурору по рассматриваемому основанию Конституционный Суд РФ обосновывает необходимостью обеспечения суду возможности самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, по своему внутреннему убеждению оценить обстоятельства конкретного дела и выбрать подлежащую применению норму права.

Однако и прокурор, решая вопрос о направлении уголовного дела в суд, а затем в ходе судебного производства государственный обвинитель, определяя свою позицию по делу, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению. И совсем не обязательно их позиция совпадет с мнением суда (тем более что возвращая уголовное дело прокурору для изменения квалификации действий обвиняемого, суд, по сути, констатирует ошибку органов публичного уголовного преследования). Соответственно, вполне вероятна ситуация, когда прокурор вновь направит в суд ранее возвращенное ему уголовное

дело с прежней квалификацией. Подобное расхождение позиций, если оно, к примеру, возникает на стадии предварительного расследования между следователем и прокурором, разрешается вышестоящим прокурором в порядке ч. 4 ст. 221 УПК РФ, что позволяет избежать затягивания сроков расследования. Однако при разногласиях между судом и прокурором по поводу квалификации преступления подобного алгоритма разрешения конфликта нет. Следовательно, либо подобные ситуации будут иметь последствием бесконечную пересылку дел из суда в прокуратуру и обратно (в результате чего требования закона о разумном сроке судопроизводства окажутся нереализуемыми), либо законодателю придется придать решению суда характер обязательного для исполнения указания, но в этом случае на суд *de jure* будут возложены полномочия по руководству уголовным преследованием.

Признание за судом права возвращать прокурору уголовные дела для устранения процессуального нарушения, выразившегося в неправильной квалификации органами уголовного преследования действий обвиняемого, Конституционный Суд РФ обосновал необходимостью обеспечения права каждого на судебную защиту, которое, как отмечается в Постановлении от 2 июля 2013 года № 16-П, предполагает «охрану прав и законных интересов не только от произвола законодательной и исполнительной власти, но и от ошибочных решений суда».

Однако право каждого на судебную защиту имеет и другую важную гарантию, которая в условиях реализации судом рассматриваемого полномочия может оказаться под ударом. Речь идет о запрете поворота к худшему – правиле, действие которого в уголовном процессе позволяет стороне защиты обжаловать вынесенные по делу судебные решения в суды второй, кассационной и надзорной инстанций, не опасаясь, что такое обжалование приведет к ухудшению положения обвиняемого.

При этом свободу обжалования стороне защиты обеспечивает, помимо прочего, признаваемое в судебной практике непреложным правило о том, что усиление наказания или применение закона о более тяжком пре-

ступлении при рассмотрении дела судом первой (апелляционной) инстанции допускается лишь при условии, что первоначальный приговор был отменен по жалобе потерпевшего, его представителя или представлению прокурора [2, с. 62].

Однако на практике может возникнуть ситуация, когда суд кассационной или надзорной инстанции отменит по жалобе стороны защиты вступивший в законную силу судебный акт с направлением уголовного дела на новое рассмотрение в суд первой или апелляционной инстанции, а тот, в свою очередь, придет к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления, либо установит фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления. Следуя позиции Конституционного Суда РФ, выраженной им в Постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П, суд в данном случае будет обязан вернуть уголовное дело прокурору, вследствие чего положение обвиняемого может существенно ухудшиться.

Вероятность такой ситуации на практике невелика – ведь уголовное дело, прежде чем стать предметом разбирательства в суде кассационной или тем более надзорной инстанции, проходит не одну стадию судопроизводства, что позволяет своевременно исправить ошибку в квалификации, если таковая была допущена. Но все же такая вероятность существует, в связи с чем осужденные и их защитники, опасаясь возможного ухудшения положения обвиняемого в случае отмены приговора, в некоторых случаях могут и воздержаться от обжалования судебных решений в кассационном и надзорном порядке. В итоге – принцип независимости судей, во имя которого Конституционный Суд РФ признал обязанность суда возвращать уголовные дела прокурору для изменения квалификации деяния обвиняемого в худшую сторону, оказывается в оппозиции праву на судебную защиту, поскольку существенно ограничивается свобода обжалования судебных решений.

Для разрешения данной коллизии необходимо определиться с тем, какая из двух

правовых ценностей – принцип независимости судей или право на судебную защиту – является более значимой. С учетом положения ст. 2 Конституции РФ, согласно которой признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства, этот вопрос должен, по нашему мнению, решаться в пользу права на судебную защиту. Обжалование судебных решений является одним из средств восстановления нарушенных неправосудным судебным решением прав и свобод. Отказ стороны защиты от обжалования вступивших в законную силу судебных решений из страха ухудшить свое положение может привести к неисправлению судебных ошибок, что в корне не согласуется с назначением уголовного судопроизводства в части защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

В связи с этим, как представляется, в законе должно быть закреплено положение, прямо запрещающее поворот к худшему в случае отмены в кассационном или надзорном порядке вступившего в законную силу судебного акта по жалобе стороны защиты и направления уголовного дела на новое рассмотрение в суды первой или апелляционной инстанции либо возвращения уголовного дела прокурору.

Корнем рассмотренных и многих других проблем, которые неизбежно возникнут в связи с «обретением» судами новых полномочий по возвращению уголовного дела прокурору, является, по нашему мнению, *системный кризис уголовного судопроизводства*, обусловленный несовместимостью полномочий суда по собственной инициативе возвращать прокурору уголовные дела для изменения квалификации деяния обвиняемого в худшую сторону с общей состязательной конструкцией процесса.

В состязательном уголовном судопроизводстве суд должен быть связан требованиями сторон, и только в их пределах рассматривать и разрешать уголовное дело. Лишь в этом случае он имеет возможность принять объективное и беспристрастное решение по существу переданного на его рассмотрение правового спора. Возложение же на суд обязанности контролировать предмет или объем требований стороны обвинения

делает его ответственным за результаты той деятельности, которую эта сторона осуществляет. Оказывая такого рода содействие органам предварительного расследования и государственному обвинению, суд неизбежно становится на сторону обвинения, что разрушает состязательную конструкцию судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божьев, В. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации / В. Божьев // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 9–11.
2. Дикарев, И. С. Запрет поворота к худшему при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений / И. С. Дикарев // Российская юстиция. – 2013. – № 3. – С. 60–62.
3. Кальницкий, В. В. Развитие уголовно-процессуальной формы вступает в противоречие с основами доказательственного права / В. В. Кальницкий // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международ. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. : в 2 ч. – Екатеринбург, 2005. – Ч. 1. – С. 393–399.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апр. 1999 г. №7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 17. – Ст. 2205.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 28. – Ст. 3881.
6. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551&sphrase_id=286018 (дата обращения: 09.09.2013). – Загл. с экрана.
7. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института уста-

новления объективной истины по уголовному делу». – Электрон. дан. – Режим доступа: http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551&phrase_id=286018 (дата обращения: 09.09.2013). – Загл. с экрана.

8. Тетерина, Т. Отказ прокурора от обвинения «преступает» права потерпевшего на доступ к правосудию / Т. Тетерина // Российская юстиция. – 2003. – № 10. – С. 37–38.

**CRIMINAL PROCEDURE:
“QUIET REVOLUTION” IS CHANGED BY REACTION**

Dikarev Iliya Stepanovich

Candidate of Juridical Sciences,
Associate Professor, Director of the Institute of Law,
Volgograd State University
dikarew@mail.ru, law@volsu.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. On the basis of analyzing the regulations of the Constitutional Court ruling adopted on July, 2 2013 № 16-P the author concludes that these regulations implementation in the criminal procedure leads to the system crisis and possible destroying of competitive construction of litigation proceeding.

Key words: competitiveness of parties, recommitment of prosecutor’s criminal case, additional investigation, prosecutor’s dismissal of charge, proscription of reformatio in pejus, freedom of appeal.